

Все мы — в одной лодке

Ефим РАЧЕВСКИЙ, директор Центра образования № 548 “Царицыно” г. Москвы

Нынешняя ситуация в системе непрерывного образования сложилась не сегодня. Мы пожинаем плоды жёсткой нормативной базы предперестроечного периода и всеобщего образовательного либерализма начала 90-х годов, когда нас выпустили на волю. Мы получили свободу, которую не завоёвывали, и именно поэтому не знали, что с ней делать. Дарованные Законом “Об образовании” 1992 года права на вариативность, на обучение детей так называемым нетрадиционным предметам, на оказание платных образовательных услуг — всё это привело к тому, что мы не смогли воспользоваться этими правами в русле природосообразности, социообразности и меры. К счастью, сегодня этих прав стало уже меньше.

В результате глобальных для России изменений политического и социально-экономического характера произошло следующее:

— реструктуризация рынка труда, опередившая и опережающая возможности системы образования;

— дифференциация образовательных возможностей населения;

— переоценка ценностей в среде субъектов образовательного процесса;

— прогрессирующий демографический спад, последствия которого мы начинаем ощущать уже сейчас. В качестве примера приведу данные по Южному округу Москвы. Если в 1998 году мы имели уменьшение на 51 первый класс, в 1999-м — на 68, то в этом году — уже на 152 первых класса.

Уровень образовательного ценза сегодня напрямую связан с успешностью социализации и личным благосостоянием. Социологические опросы показывают, что образование в рейтинге ценностей занимает второе место после здоровья у подавляющего большинства опрошенных. Возрос спрос на качественное и актуальное образование во всех его ступенях, обучение в высшей школе становится гарантом личной безопасности выпускника-юноши.

За последние три года резко увеличилось число желающих получить высшее образование. По данным нашего министерства, средний конкурс в гуманитарные и технические вузы в минувшем году составил 2,6–2,8 человека на место. С нашей школой соседствует Московский инженерно-физический институт, и его руководители утверждают, что уже нет нужды иметь в каждой семье своего юриста или банкира, но резко возрос спрос на инженерные и естественно-математические специальности. Результаты тестирования показывают, что желающих поступать на экономические и правовые специальности всё меньше, тогда как число желающих получить специальности, связанные с физикой, математикой, биологией, увеличивается.

Недавно я беседовал с инженером фирмы “Дженералэлектрик”. У них, как и у нас, есть свои ПТУ, но они предпочитают брать на работу выпускника общеобразовательной школы, нежели своего, жёстко профилированного ПТУшника. И на мой вопрос: почему? он ответил, что в сфере высоких технологий очень важен культурный компонент личности, позволяющий переключаться с одного вида деятельности на другой. Это особенно актуально в сфере растущих информационных потоков, когда ценится грамотность как таковая. Кстати, один из выпускников нашей школы, студент Российского университета дружбы народов, на неофициальном сайте школ дал такое определение грамотности: “Грамотность — это коммуникативная включённость, позволяющая достигать той или иной степени свободы”.

Мы говорим о значимости русского языка. Слава Богу, в Москве в школу старшей ступени с этого учебного года ввели как обязательный компонент, точнее, вернули, русский язык.

Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова Виктор Антонович Садовничий на пленарном заседании сказал, что средняя школа должна дотягивать свой уровень до высшей. Уважаемые коллеги из высшей школы! Мы с вами находимся в одной лодке и курс её должны определять вместе, партнёрски, а не руководствоваться политикой “старшего и младшего брата”. Реальное “дотягивание” сейчас невозможно, и не потому, что нет кадров или плохо обеспечен образовательный процесс. Это вещи очевидные, и положение здесь поправится не скоро. Но сегодня есть факторы, которые вполне могут быть устранены или скорректированы без напряжения для наших скудных бюджетов.

Первое. Вы хотите учить здоровых студентов. Мы хотим выпускать здоровых детей. Из-за содержательной нестыковки школьных программ и требований на вступительных экзаменах мы сегодня в обычной, неэлитной школе имеем учебную неделю 11-классника: 42 часа в школе + 12 часов на подготовительных курсах + 20 часов на домашнее задание. Итого учебная неделя — 74 часа. А этим детям 16–17 лет. Они учатся 74 часа в неделю, притом, что взрослый, сложившийся человек имеет рабочую неделю 42 часа.

Вот некоторые данные социологических исследований репрезентативной группы московских выпускников 1999 года из пяти школ разных округов. Всего было опрошено около 800 человек.

Чтобы поступить в высшие учебные заведения:

- 67% опрошенных посещали платные курсы при вузах;
- 34% — занимались с репетиторами из вузов;
- 16% — с репетиторами из вузов, выбранных для поступления;
- 4% — были зачислены в вуз по результатам олимпиад;
- 4% — по результатам экзаменов на подготовительных курсах;
- 9% — в результате предварительных экзаменов;
- 7% — были зачислены в результате сдачи единых экзаменов “вуз — школа”.

Итак, возвращаясь к цифре — 67% — платные курсы при вузах. Московский Комитет образования был вынужден издать приказ, который звучит так: “По оперативному снижению нагрузки выпускников 11-х классов”. После многочисленных писем в газету “Опасный возраст” и другие издания Любовь Петровна Кезина подписала приказ, разрешающий одиннадцатиклассникам один раз в неделю не посещать школу, а также переводить их на индивидуальный учебный план. Мы решили пожертвовать своими образовательными программами для того, чтобы ученик смог поступить в вуз.

Позиция вторая. Вы хотите получить качественного абитуриента, который имеет целостное представление о мире, основанное на фундаментальных знаниях, который хорошо владеет русским языком. И мы хотим выпускать таких детей. Возможно ли это?

Я был поражён, когда в разговоре с выпускниками одного из американских колледжей, убедился, что они не знают, кто такой Фолкнер, а когда я спросил про Джека Лондона, то одна девушка сказала, что это родственник их шерифа.

Но я не удивлюсь, если через 5–6 лет наши блестящие выпускники — химики и математики — уподобятся своим американским сверстникам. Три года назад мы считали, что в 11-м классе школа мешает вузу, а вуз мешает школе. Сейчас уже со второго полугодия 10-го класса начинается повальная запись на подготовительные курсы, но, ещё хуже, дальновидные родители просто забирают детей из школы, переводят их на систему экстерната (приращение экстерната по Москве до 20% в год), и ученик изучает только то, что нужно сдавать при поступлении, — три предмета. Всё остальное — забыть, в том числе и русский язык. Из его сознания вымывается всё, что не связано с этими тремя роковыми предметами.

Я прошу прощения за резкость, но по сути это завуалированная покупка аттестата, за пятёрками и четвёрками которого нет знаний мировой художественной культуры, нет А.П. Чехова, нет знаний по всеобщей и отечественной истории, нет представлений о природе и обществе, если это за пределами вступительных экзаменов.

Может ли 12-летка изменить ситуацию? Да. При условии, что система непрерывного образования претерпит структурные изменения в сторону преемственности. Если же этого не произойдёт, то двенадцатый класс станет абсолютным слепком с нынешних полупустых 11-х классов. Ибо мотивация к получению высшего образования очень велика.

Каковы варианты возможных решений?

Их много. От крайне либерального: отмена вступительных экзаменов в вуз. Это возможно при очень мощном финансировании государственных вузов. Это мы с вами прекрасно понимаем. До менее либеральных — рейтингового тестирования, например. Да, есть вузы первого эшелона. Вот и пусть они берут себе результаты тестирования с максимальным количеством баллов. А вузы, где количество абитуриентов намного меньше, чем мест, пусть берут себе баллы поменьше.

Мы гордимся нашей высшей школой. Мы верим в неё не только как в систему, готовящую высококлассных специалистов, но и как в партнёра, способного решить задачу стыковки образовательной вертикали: школа — вуз.